

По латвийским следам Ильи Муромца

Борис Инфантьев

Когда я в начале своей фольклористической деятельности (то было в конце 40-х — начале 50-х гг. прошлого века) попытался подбить на собрание русского фольклора в Латгалии одного сельского учителя, недавно приехавшего из какого-то северного региона России, он в недоумении мне возразил: «А что тут собирать? Ведь здесь нет ничего «общего»! Вот там, на Севере! Былины!» Моя попытка тем самым и завершилась.

Да. Былины. Почему их нет (или не было) в Латгалии? Не только у русских, но и у латышей. Над этим вопросом задумался уже в первом десятилетии XIX века большой друг латышей, видный русский прозаик, будущий декабрист Александр Бестужев-Марлинский. В своей статье «Поездка в Ревель» писатель не мог не вспомнить о кровопролитных схватках ливов, эстов, латышей с немецкими пришельцами, о геройских подвигах, совершенных тогда торейденским (трейденским) Дабрелем, стаклским Русинем, аутинским Варидотом, беверинским Тылибальдом (Таливалдом). Бестужев сетует по поводу того, что ни один скальд, ни один бард не воспел их подвиги.

Но надо было еще полстолетия, чтобы тема эта зазвучала вновь на страницах русской печати. (Не только делавшая первые шаги печать на латышском языке, руководимая немецкими пасторами, ни тем паче немецкая печать таких вопросов, разумеется, не поднимала.)

То же обстоятельство, что русские многострочные и многострофные песни иногда укладываются в латышское хорейское четверо-

стишие при составлении песенного творчества, встречается сплошь и рядом. Куда сложнее разобраться в многострофных песнях о свадьбе птиц и других лесных (у поляков и домашних) зверей, которые были опубликованы в русских песенных сборниках XVIII века, которые подкреплены также польскими вариантами и представляют в данный момент такое нагромождение персонажей и характеристик, что пока можно сделать только предварительные гипотетические предположения об источниках и путях освоения этих песен балтийскими и славянскими народами. Но вот в руководимом славянофилами «Виленском Вестнике» и в газете Михаила Каткова «Современная летопись» (приложение к «Московским ведомостям») первые собиратели латышского фольклора из среды самих латышей — православный Иван Спрогис, а также ближайший сотрудник вождя младолатышей Кришьяна Валдемара — Фрицис Бривземниекс высказали свои суждения по этому поводу и объяснили отсутствие у латышей героического эпоса то ли физическим уничтожением ливских и латышских скальдов и бардов крестоносцами, то ли отсутствием у латышей и ливов единства и государственности, а также национального самосознания. На высказывании различных предположений дискуссия и ограничилась, и попытки вернуться к этой проблеме в наше время по понятным причинам не встретили сочувствия среди латышских фольклористов.

В то же время следует оговориться, что отсутствие у латышей героического эпоса — не

совсем точная формулировка и характеристика собранного и опубликованного латышского фольклора. Уже в капитальном сборнике Кришьяна Барона и Генриха Висендорфа немало лироэпических, солидных по объему песен, которые аранжированы латышскими композиторами для хоров и тем самым прочно вошли и в репертуар латышских хоровых коллективов, и в повседневный быт латышей. В песнях этих немало элементов героического эпоса, особенно в тех, где речь идет о верном друге латышского героя, его боевом товарище — коне.

Но это, кажется, и остается чуть ли не единственным мотивом проявления героически-эпических тенденций латышского народного творчества, в котором именно эти героические мотивы в большинстве своем предположительно восходят к заимствованиям из восточнославянского. И еще одна особенность латышских лироэпических многострофных песен, существенно отличающих их от русского былинного эпоса — это их тематика, ограничивающаяся ведущей темой — поиском и выбором невест (умыканием). Военная же тематика, там, где она проявляется, принимает далеко не героическое звучание — это преимущественно сетование доброго молодца на необходимость служить царю и отечеству, трудности и лишения царской службы (только изредка упоминаются преимущества в виде шикарных мундиров и сапог вместо лаптей). Единичными можно назвать песни с явно наигранным патриотизмом, гордостью за свою службу царю-батюшке. Но это уже поздние явления. К древним, былинным временам можно отнести, по нашему мнению, немного хореических двухстрофных четверостиший примерно такого содержания:

Tumsis bija, gaisi tapa,
Vai uzleca mēnestinis?
Vai tur mani jaunbrālīši
Krievu pili dedzināja?
Krievu naudas gribēdami,
Krievu bēru kumeliņu.

(Темно было, светло стало.
Иль взошел месяц?
Иль то мои младшие братики
Русский замок жгли?
Желая русских денег,
Русских гнедых коней.)

Примечательно, что наряду с этой весьма агрессивно направленной песней рядом опубликовано как бы извинение за эту агрессивность:

Tie negriba krievu naudu,
Tie grib savu tēvu zemi,
Tēvu bērnus kumeliņš.
(Они не желали русских денег,
ни русских коней.
Они желали землю своих отцов,
гнедых отцовских коней.)

Нелогичная и безграмотная концовка эта, которая ни в коей мере не может считаться порождением народного гения, очевидно, сочинение кого-нибудь из собирателей латышского фольклора, желавшего как бы извиниться перед русскими — инициаторами всего этого мероприятия.

Что же касается чуть ли не всех других четверостиший, в которых упоминается русский, то они чуть ли не все связаны с брачными делами, преимущественно увозом девиц, и в небольшом количестве также с сетованием на ненавистные войны, затеваемыми злыми господами. Было бы опрометчиво утверждать, что русские былины были чужды и неизвестны латышам. Прежде всего, этому противоречат не единичные записи собирателями латышского фольклора текстов латышских сказок, которые под микроскопом исследователей оказываются пересказами подлинных русских былин. Один из таких текстов опубликован в 15-томном сборнике латышских народных сказок и преданий Петера Шмита (том VIII, 27). Приводим его в русском буквальном переводе.

«В древние времена жил один богатый хозяин. Бог дал его жене сына. Муж и жена были очень рады и думали, что сын будет самым красивым в мире. Когда сын вырос побольше, он не мог ни руки, ни ноги поднять. Отцу и матери было стыдно, что их сын калека. Для него на печи было сделано место, и там он лежал до тридцати годов, и все, что ему было нужно, то он делал на печи. Было очень жаркое лето. Все ушли косить сено. Мать, уходя на сенокос, говорит сыну, пусть он присматривает, чтобы кто-нибудь не вошел в избу. Когда они ушли, сын улегся и заснул. Вдруг он услышал, что кто-то вошел в избу. Сын проснулся и смотрит, что вошел старичок, который говорит калеке: «Что ты лежишь? Слезай вниз, поговорим, что с тобой».

Калека все ему рассказал. Тогда старичок сказал: «Поднимай, поднимай руки, может быть, сможешь слезть с печи». Он начал шевелить руками и ногами и их протягивать. Тогда он старичку сказал: «Помоги мне слезть с печи, как бы не упасть». — «Ничего, не упадешь, слезай, только смело». Калека слез с печи и стал таким радостным, что он может ходить и ничего уж не болит. Тогда калека говорит: «У моего отца есть пиво, я пойду, раздобуду, и мы выпьем на наше счастье». Старичок был согласен. Сын хозяина принес пиво и дает сначала выпить старичку, а тот говорит: «Нет, сын, пей ты, я потом». Калека только пригубил и всю кружку выпил и говорит старичку: «Что теперь будет, что я всю выпил?» Старичок ему ответил: «Иди и принеси вторую кружку!» Тогда калека принес вторую кружку и дает сначала старичку попить, а он опять говорит: «Нет, сын, ты пей, я потом!» Калека как поднес к губам, так и выпил всю и пошел за третьей кружкой. Опять старичок ему дал сначала пить, и он опять все выпил. Тогда старичок говорит ему: «Так как ты, сын, выпил все три кружки пива, принеси еще четвертую!» Сын говорит: «Отец, я теперь могу взять и повернуть всю землю! У меня опять много силы! Старичок отвечал: «Не надо так думать, принеси четвертую кружку, выпьем оба пополам». Калека принес еще четвертую кружку пива, половину выпил, а вторую половину оставил старичку. Когда старичок выпил вторую половину, тогда сын говорит: «Я, отец, не могу землю перевернуть вверх и небо вниз. Только, кто на земле стоит, то я могу перенести». Тогда старичок говорит: «Я — сам Бог, даю тебе имя Эльяш и двух огненных коней. Тебе придется ездить по небу до конца света!» Так и сегодня еще Эльяш ездит по небесам на огненных лошадях».

Последний абзац и имя Эльяш контаминация. Но весь текст без завершающей строфы — явный пересказ русского текста былин об исцелении Ильи, с добавлением нескольких элементов из былины о встрече Ильи Муромца со Святогором в гробу, который своим дуновением сообщает Илье невероятную силу. Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что после второго «вдувания» у Ильи силы остается наполовину. Хотя эта деталь рассказчиком и не до конца понята, но примечательно само наличие этого эпизода в рассматриваемом тексте.

Все сказанное, а также то обстоятельство,

что в латышском пересказе много неточностей: один старичок вместо трех нищих, четверократное поднесение пива — все это свидетельствует о том, что рассматриваемый текст является не пересказом русского текста, вычитанного из книги для чтения, а является устным пересказом то ли русского, то ли латышского устного рассказа. Отсутствие же в рассматриваемом тексте русизмов говорит о том, что сказочный текст, скорее всего, распространен устным путем на латышском языке. В других сказках об Илье Муромце, а их в архиве латышского фольклора хранится 12 записей, сохранено подлинное имя русского богатыря — Илиньш. Записи эти сделаны по всей Латвии в районах Бауском, Екабпилском, Кулдигском, Лиепайском, Рижском, Даугавпилском и Резекненском. Подробный анализ этих текстов ждет еще своего исследователя.

В Указателе латышских сказок К. Арайса и А. Медне под номером 650 упомянуты также Алеша Попович, Еруслан Лазаревич, Василий Буслаев, Симеон. Надо полагать, что и безымянные сказочные сюжеты содержат немало реминисценций русских былин. Латыши более молодого поколения имели возможность знакомиться с циклом, по крайней мере, киевских былин по пьесе Райниса «Илья Муромец», которая не только была в 20-е годы опубликована, но и дважды (в 30-е и 70-е годы) увидела свет рампы, правда, без особых успехов, чему немало способствовала театральная критика.

Пьеса Райниса — целая энциклопедия былин Киевского цикла: чудесное исцеление Ильи, битва с Соловьем-разбойником, Илья на пиру князя Владимира, бой с Идолищем Поганым, ссора Ильи с князем Владимиром, Илья и Латыгорка, Бой с Сокольников. Особый интерес для латвийского зрителя должно было представлять последнее действие с былиной о гибели русских богатырей, которое, по единодушному признанию исследователей былин, происходило «на краю света», неподалеку от Латырькаменева моря, которое не что иное, как море Балтийское. Райнис в пьесе не рискнул точно высказать эту мысль, но в своих заметках он точно указал, что русские богатыри, оскорбившие устами невоздержанного на язык Алеши Поповича «силу нездешнюю» и, разумеется, в бою побежденные и превратившиеся в скалу, не что иное, как Стабурагс. Вторая заслуга Райниса, в своей пьесе поднявшего вопрос о контактах русских былинных героев с

Латвией, это введение в его пьесу Латыгорки, не только присутствующей в его пьесе, но и играющей в судьбе главного героя русских былин значительную роль. Эта роль сохранена за Латыгоркой и в русских былинах.

Уже первые исследователи былин А.В. Марков, В.Ф. Миллер, А.П. Скафтымов обратили внимание на постоянную связь присутствующей во многих былинах, а в былинах об Илье Муромце — как обязательного персонажа, поленицы, бабы-богатырки Латыгорки, на поразительную связь этого имени с постоянным наименованием в русских летописях ближайших западных соседей кривичей латыголы или латыгоры. Дальнейшие изыскания в этой области подтвердили единодушное мнение исследователей о том, что в образе Латыгоры, ее постоянных, даже родственных контактах с Ильей Муромцем отразились постоянные близкие связи кривичей, впоследствии русских и белорусов, с восточными латышами. Эта концепция отражена также в исследованиях Авенариуса в его сборнике былин, которые стали основой знакомства с былинами Райниса.

Такая интерпретация образа Латыгорки подтверждена и немецким исследователем Гераном Ратфелдером, который привел немало типологических сопоставлений былинных песен с латышскими четверостишиями (Acta Baltica, 1975).

Латыгорка, как отмечалось, встречается во всех сборниках русских былин старой и новой записи и публикации, но особенно ей посчастливилось в двухтомном сборнике былин Марфы Крюковой, из которого и приводим следующие цитаты. Первая встреча Латыгорки с Ильей Муромцем (в былине «Илья Муромец и баба Латынгорка»; так М. Крюкова во всех былинах называет героиню):

Нагонила поленица Илью Муромца.
Они начали тогда да вот съезжатисе;
Они бились, воевали трое суток, трое суток,
Ихни кони-те богатырьски утомились,
Соходили они тогда вот со добрых коней.
Они начали тогда держать бой да рукопашной.
Ай и они ведь билисе, боролисе целы сутки (...)
А и тут у Ильи то все у Муромца все силушки прибавиласе,
А и опрокинул он ей же ногу левую,

А и тогда падала Латыгорка на сыру землю...
А и ты бери-ка-се, сними-ко-се с меня выкуп дорого весьма,
А и ты бери, бери с меня же красно золото (...)

В той же былине «Илья Муромец и баба Латынгорка» изображен ее столичный город:

Она просила его ехать с ей вместях
Во ее-то ехать город во столичной-от:
Спроводил он королевы все до славной славной
Погостил-то, пожил он все же во городе
Распростился с королевой он...

Да. Город королевы Латыгорки в былине описан не особенно детально!

Из дальнейшего повествования той же былины узнаем: Латыгорка готова отдать Илье все королевство «в своем городе». Академик В. Топоров на основе этимологических сопоставлений установил, что этимологическое соответствие городу Латыгорки — Ледурга, где и мы можем локализовать Латыгоркин город, дворец и все прочее, о чем повествуют русские былины.

Илья, разумеется, отказывается от лестных предложений Латыгорки и в свою очередь предлагает ей поехать к нему то ли в Киев, то ли в Муром, то ли в Карачаево. В свою очередь и Латыгорка отказывается от таких любезных предложений. Она дарит Илье «злачен перстень с тремя вставками: самоцветный, драгоценный, алмазный. Так устанавливается дань, которую, как известно из летописей, латигора (племя) платила Полоцкому князю уже в исторические времена, а по Карамзину — со времен Владимира Киевского, хотя, как утверждают исследователи (С.П. Сахаров), Рогнеда Гориславовна как княжна в своей вотчине Краславе насаждала православие и взимала дань еще до введения православия в Киеве.

Сам же факт наложения на Латыгорку дани Ильей Муромцем упоминается в былине «Микула и Илья»: «Наложили на Латыгорку дань великую. Все платить, платить ведь ей да в славный Киев-град». В былине «Илья Муромец ездил к бабе Латыгорке» повествуется о том, как Илья Муромец ездил за данью: другие богатыри не решались на этот подвиг:

Они боялись королевы
Вот Латыгорки,
Что побьет, побьет королева

по напрасному,
Нет, ведь выпустит-то силушки —
армию да очень много же,
Она взволнуется, королева-то
войной итти.

«Сила-армия, сила-гвардия у камня у Латыря», которая и идет от бабы Латыгорки, упоминается в былине «Добрыня и Микула Селянинович», а побеждает Латыгорка Добрыню в былине «Добрыня Никитич и баба Латыгорка».

В былине же «Илья Муромец ездил к бабе Латыгорке» Илью королева принимает приветливо, «она кланялась ему же все низешенько», «приказала она слугам да убрать добра коня», «на ковры его садила на заморские, против чистых-то ведь и зеркалов восточных-то».

Королева показывает Илье королевича Михаила Ильича и «премладого Подсокольника», но и любимые дети не заставляют Илью остаться у королевы. Встреча с Латыгоркой Ильи Муромца — это не частный эпизод его жизни и подвигов. Напоминания о нем есть и в других былинах. Вот повествование «Бой Добрыни со змеем». На пути к своему подвигу Добрыня встречается с Ильей Муромцем, который и говорит ему:

Я из города-то еду
из Латыгорского,
От королевы-тко я еду
от Латыгорки,

Получал-то с ней жо я дань все же пошлину.

Младшему сыну Ильи Муромца, Подсокольнику, пришлось принять на себя международный эпический сюжет «Рустем и Зораб» об убийстве богатырем по незнанию своего собственного сына, что влечет за собой раскаяние богатыря. Сюжет этот, представленный в былине «Илья Муромец и Подсокольник» трагическими страницами отразился и в пьесе Райниса: убив своего младшего сына, Илья убивает и возможность ему самому обновиться, вновь возродиться, что и влечет за собой его гибель.

В былине «Бой Дуная с Настасьей Микулишной» «неверной силушкой бабы Латыгорки», руководит ее «брат любимый-от», а в былине «А как про дочь-то королевы все Латыгорки» повествуется о подвигах ее дочери.

В былине «Камское побоище» дочь Ильи и Латыгорки побеждает всех русских богатырей, и лишь самому Илье удается ее усмирить. Но особо примечателен в контексте нашего исследования сюжет былины «Бой Микулы с неверным богатырем бабы Латыгорки». Этот последний по былинной характеристике очень напоминает ливонских рыцарей:

Он говорил все с гордостью,
Как со гордостью, с насмешкою:
Я от того ли морюшка от синего,
Я от того ли камешка от серого;
От того ли колодцику студеного,
От самой от королевы-то,
От королевы еду я все тою Латыгорки,
Я ее же сильней рыцарь-от,
А я богатырь-от могучой-от,
В битвах никто не будет никому не победить нигде.

Его намеренья, как уже отмечено выше, похожи на реальные действия уже не «латыгорцев», а их новых господ рыцарей:

Все соборы, церкви божьи я на дым спущу,
Все светы ихни, иконы на мосты сношу,
Засажу же в темны темницы,
Заморю смертью голодною.

Правомерность идентификаций поздней латыгоры и немецких крестоносцев в былинах М. Крюковой подтверждается и упоминанием Латыгорки в былине «Женитьба Михаила Игнатьевича» рядом со шведским королем, Гипшанией, Ерманией.

Таким образом, былины представляют бесценное, незаслуженно забытое свидетельство древних контактов латышей и их восточных соседей.